

Магеррам Али-оглы Гасанов

(доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Томского политехнического университета, г. Томск)

Сергей Александрович Жиронкин

(кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма
Кузбасского государственного технического университета, г. Кемерово)

БЛАГОПОЛУЧИЯ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ, ИЛИ ЧТО СУЛИТ НАМ ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ

Ключевые слова: структурные изменения, деиндустриализация, неоиндустриализация, постиндустриальное общество, сетевое социальное благополучие, структурный сдвиг.

Социальное благополучие населения есть не только конституционированная задача государства, но, прежде всего, квинтэссенция всех масштабных экономических и политических преобразований. Обобщение работ ряда экономистов [1–6] позволило выделить следующие основные показатели социального благополучия: экономические – уровень личных доходов, размеры собственности домохозяйств, обеспеченность работой, жильем, услугами ЖКХ, общественным транспортом; и неэкономические – доступность образования и здравоохранения, продолжительность жизни, уровень преступности и др.

Исторически опыт свидетельствует о фундаментальной роли промышленной революции XVIII–XIX вв. в Великобритании и Франции, урбанизации и индустриализации США в XIX в. в росте благосостояния населения [7].

Социальное развитие постсоциалистических стран Восточной Европы (Словакия, Чехия, Венгрия, Польша) и ряда государств Юго-Восточной Азии (Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Малайзия) в конце XX в. было обусловлено переносом в них производств машиностроения, радиоэлектроники, легкой промышленности, органической химии из Японии, США, Западной Европы. С начала XXI в. в передовых странах Западной Европы, Северной Америки, Юго-Восточной Азии идет новый «виток» благополучия населения, связанный со становлением постиндустриального общества, с «новой индустриализацией» экономики [8].

Российское общество и государство только подошли к пониманию социального благополучия населения как конечной цели рыночных

реформ, наряду с ростом ВВП, транснационализацией крупного бизнеса, повышением политического влияния в мире, интеграцией в систему мировых экономических связей. Для нас благополучие – все еще антипод бедности (т.е. неблагополучия) – проблемы, которая в России до сих пор не решена (к 2013 г. 13% населения были за чертой бедности [9]).

С самого начала рыночных преобразований в России преодоление катастрофического ухудшения социально-экономических условий ожидалось за счет развертывания следующих процессов:

- преобразования институциональной структуры с массовым изменением общественного сознания с «иждивенческого» на «предпринимательский», с переходом государства от администрирования в экономике к поддержке малого и среднего предпринимательства, с изменением механизмов мотивации и стимулирования труда (Г.Б. Клейнер) [10];

- массовой приватизации и повсеместного высвобождения предпринимательской инициативы, развитием свободного внутреннего рынка (по И. Валлерстайну это означало переход от ортодоксального марксизма к ортодоксальному либерализму) [11];

- преодоления «социалистической рецессии» – восстановления хозяйственных связей, финансовой стабилизации и «перезагрузки» производств, созданных в СССР, за счет иностранных инвестиций (Е.Т. Гайдар) [12].

Предполагалось, что эти процессы приведут к выходу российской экономики, по крайней мере, на восточноевропейский уровень благополучия населения через 10 лет реформ,

т.е. к 2002 г. Однако реального роста благополучия россиян не произошло не только через 10, но и через 20 лет рыночных реформ.

Так, средняя заработная плата в России на начало 2014 г. составила 850 долл. (в том числе в промышленности – 910 долл.), тогда как в Южной Корее – 2400 (2640), в Чехии – 1300 (1450), в США – 4400 (4650), в Германии – 4200 (4350) [13]. Суммарный объем имущества российских домохозяйств, в пересчете на одного жителя составил в 2013 г. 18 тыс. долл., в Германии – 102 тыс. долл., в Чехии – 32 тыс. долл., в США – 374 тыс. долл. [14] Обеспеченность жильем в России в 2006 г. составила 21,1 кв. м / чел., Чехии – 28,7, Польше – 23,2, Германии – 40,1, США – 65,0 кв. м / чел. [15]. Обеспеченность личными автомобилями в России – 274 единиц на 1000 чел., тогда как в Чехии – 489, в Польше – 420, в США – 802, в Германии – 690 [16]. Обеспеченность услугами здравоохранения россиян в 2010 г. составила 3,2% от ВВП, жителей Польши – 6,2%, Германии – 8,9%, США – 11,5% от ВВП [17].

Из приведенных данных видно, что благополучие россиян ниже, чем у граждан как передовых, так и ряда бывших постсоциалистических стран. Во многом провал ожиданий благополучия россиян обусловлен деформациями структуры рынка труда, которая далека от современных промышленно развитых стран. В России в 2013 г. 61% трудящихся заняты простым неквалифицированным или традиционным трудом средней сложности. Именно поэтому при среднеэкономическом уровне безработицы в начале 2014 г. в 5,3% в промышленности он составляет 6,4%, в сельском хозяйстве – 7,6% [18].

Это значительно затрудняет межотраслевой переток рабочей силы и, следовательно, мотивирование работников к повышению производительности труда. По мнению В. Бобкова, новые рабочие места, созданные в 2000-х гг., не отражают общемировую тенденцию роста производительности, оплаты труда и социальной защиты работников [19].

Наиболее высокооплачиваемая часть наемных работников в Северной Америке и Западной Европе – ученые, менеджеры инновационных фирм. Их доходы превышают заработки в промышленности в 1,5–2,5 раза. В России они получают в 1,5–2 раза ниже, чем инженеры и

менеджеры промышленных предприятий [20]. Напротив, значительная часть российских заработков, по данным А. Белузы, сконцентрирована в управленческом аппарате государства [21]. Он приводит данные о том, что в конце 2010 г. государственных и муниципальных чиновников в стране насчитывалось 2,1 млн чел., по сравнению с 11 млн, занятыми в промышленности и 0,6 млн – в науке и высшем образовании. Другой силой, сдерживающей рост благополучия россиян, выступает криминализация общества – следствие увеличения теневого перераспределения доходов. С 1992 по 2008 гг. в стране было осуждено свыше 17 млн чел., т.е. практически каждый седьмой [22].

Существующие в экономике России механизмы перераспределения доходов через госбюджет, институты рынка труда способны обеспечить благополучие очень узкой группы людей – менеджеров монопольных фирм, крупных чиновников, финансистов, криминальных элементов. Децильный коэффициент (разрыв в доходах 10% самых богатых и самых бедных) в России в 2010–2013 гг. составил 17–18 раз (в Швеции – 4, в Германии – 6, в США – 9). Другим косвенным признаком социального неблагополучия россиян является 129-е место по продолжительности жизни в мире (66 лет в 2013 г.) [23].

Одним из обобщающих показателей благополучия называют долю среднего класса, которая в ведущих странах достигает 80% экономически активного населения. В России в 2012 г., по данным Всероссийского центра уровня жизни, доля среднего класса не превысила 10% [24].

Разумеется, нельзя игнорировать негативное влияние на благополучие россиян финансовой дестабилизации, гиперинфляции, дефолта, массовых банкротств и безработицы 1990-х гг., отказа государства от социальных гарантий СССР, непродуманной приватизации и социальной политики. В то же время такие процессы были в той или иной степени характерны для всех стран, проходивших через рыночную трансформацию. Мы полагаем, что основная причина сокращения социального благополучия в России – отрицательный структурный сдвиг, произошедший в экономике в период рыночных реформ. Этот сдвиг получил форму **деиндустриализации** – сокращения

доли промышленного производства в ВВП (за 1996–2012 гг. с 48 до 34%, по методу валовой стоимости промышленного производства), а в самой промышленности – уменьшение обрабатывающего сектора (в 2006 г. – 42%, в 2010 – 38%, по методу добавленной стоимости) [25].

Первопричиной деиндустриализации экономики России стало отсутствие государственной структурной политики, направленной на адаптацию промышленности к новым рыночным условиям, на сохранение межфирменных связей предприятий, на обеспечение притока долгосрочного кредита и инвестиций, на сохранение научного потенциала. Другие причины деиндустриализации отражали стихийную сущность нарождающегося рынка и были прогнозируемы экономистами: отсутствие необходимых институтов рынка (Я. Корнай) [26], финансовый кризис и рост спекуляций [27], высокая затратность и неконкурентоспособность большинства отраслей [28], одномоментный разрыв хозяйственных связей в специфических условиях размещения производительных сил в СССР (А.Г. Гранберг) [29].

Факторы деиндустриализации российской экономики отражали особенности рыночных реформ. Нельзя игнорировать мнение А.С. Толкачева о том, что сокращение промышленного производства имеет место и в высокоразвитых странах. По его подсчетам, доля обрабатывающей промышленности в ВВП Великобритании за 1990–2009 гг. снизилась с 22 до 13%, в США – с 21 до 15% [30].

Однако в этих странах происходит замещение материальных производств высокотехнологичной сферой услуг (программирование, облачные вычисления, современный банкинг и пр.), тогда как традиционные для конца XX в. производства (машиностроение, электроника, фармацевтика, органическая химия, судостроение и пр.) переносятся американскими, британскими, японскими и другими транснациональными корпорациями в третьи страны – Китай, Бразилию, Индию, страны Восточной Европы. В России же сокращение промышленного производства произошло из-за его низкой рентабельности и непривлекательности для инвесторов. Это вызвано такими **факторами**, как инфляция, старение основного капитала и низкая производительность, ухудшение финансового состояния промышленных предприятий (до 40% из них –

убыточные), проблемы привлечения инвестиций и квалифицированных кадров.

Эти факторы деиндустриализации российской экономики можно спроецировать на ее **устойчивые социальные группы**, характерные для доиндустриального (добывающего – до XIX в.), индустриального (производящего товары и энергию – в основном XX в.) и постиндустриального (информационно-знаниевого, формирующегося в XXI в.) общества (по Д. Беллу) [31]. Несмотря на то что эти стадии, так или иначе, секторно представлены в экономике большинства стран, их пропорции определяют уровень не только технологического, но и социального развития, а, следовательно, благополучие нации.

Основными социальными группами доиндустриального общества были земледельцы, торговцы и землевладельцы (из числа которых формировались чиновники). Для индустриального общества характерны основные группы высококвалифицированных промышленных специалистов, инженеров, финансовых и промышленных менеджеров. Научные работники, по сути, выполняют ту же роль, что и инженеры – обслуживают производство, поэтому обладание интеллектуальной собственностью не оказывает значительного влияния на их благополучие.

Совершенно иная картина характерна для постиндустриального общества, в котором основными и наиболее социально благополучными группами становятся ученые, специалисты сферы высокотехнологичных услуг (программисты, ИТ-консультанты, университетские педагоги, специалисты телекоммуникаций, врачи), работники суперсовременных отраслей (биохимия, фотоника, робототехника, наноматериалостроение и пр.). Это во многом обусловлено развитием рынка интеллектуального капитала и ростом интеллектуальной ренты [32].

В российской экономике проблема благополучия основных социальных групп вызвана ее деиндустриализацией, о чем свидетельствует структура группового распределения доходов. По данным Росстата, до 20% экономически активного населения в стране составляют члены важнейших для индустриального общества социальных групп – инженеров, квалифицированных специалистов в сфере промышленных услуг и производства, техников и высококвал-

лифицированных рабочих. Однако их доля в общей массе доходов не превышает 10% [33]. Для сравнения, в США эти показатели составляют порядка 40 и 50% соответственно [34]. Напротив, базовая для российской экономики социальная группа – работники промпредприятий и сервиса, служащие – достигает 55% от трудящихся и концентрирует в себе около 20% от доходов.

Социальная основа постиндустриального общества – ученые, инноваторы, специалисты ИТ, работники новейших отраслей – в России составляет менее 1% от занятых, на них приходится менее 0,5% от доходов (в США эти цифры достигают 6 и 5% соответственно). А наиболее социально благополучными группами в России являются коммерсанты и чиновники, характерные скорее для грюндерского доиндустриального этапа.

В результате сформировался замкнутый круг: для преодоления деиндустриализации российской экономики требуется широкая устойчивая социальная группа высококвалифицированных инженеров, научных работников, специалистов высокотехнологических услуг, работников и менеджеров инновационных фирм. Именно они должны быть наиболее благополучными в социальном плане, тем не менее в России они в большинстве своем борются за выживание. Этому препятствуют рассмотренные нами выше структурные последствия деиндустриализации, которые лишают эти социальные группы экономической основы благополучия – высокой производительности труда и добавленной стоимости, возможности участия в прибыли через извлечение интеллектуальной ренты.

Для преодоления такого замкнутого круга структурных проблем российской экономики и повышения социального благополучия требуется восстановление промышленного производства на новой технологической основе и создание условий постепенного перехода к постиндустриальной экономике (основанной на знаниях, информационных услугах и новейших производственных технологиях). Все это мы называем неоиндустриализацией, базовые понятия которой мы определили следующим образом.

Неоиндустриализация российской экономики подразумевает, во-первых, существенные преобразования ее структуры, связанные

с устранением последствий деиндустриализации – путем ускорения воспроизводства основного капитала, активизации перераспределения инвестиций между сырьевыми и обрабатывающими отраслями, интеграции науки и производства, демонополизации экономики, технологической модернизации, снижения затратности и повышения производительности труда. Также неоиндустриализация должна включать в себя последовательное приближение России к экономике постиндустриального типа в процессе полной автоматизации промышленности и компьютеризации труда, выхода интеллектуального капитала на роль ведущего фактора производства, а знаний – на место основного продукта, импортозамещения высокотехнологичных товаров и услуг.

Во-вторых, **главная цель неоиндустриализации** экономики России – технологическая модернизация и восстановление обрабатывающей промышленности, позволяющие значительно повысить ее конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность. Для этого необходимо решить такие **задачи**, как развитие кластеров конкурентоспособных обрабатывающих производств, их ресурсно-сырьевое обеспечение, вовлечение бизнеса в инвестирование инноваций, генерируемых в технологических платформах, использование государством эмиссионных, кредитных, гарантийных, инвестиционных инструментов структурной политики.

В-третьих, **экономическим условием** неоиндустриализации является проведение структурной политики государства, ориентированной на приведение пропорций факторов производства, форм собственности, институтов, секторов и отраслей экономики, моделей рынка, кластеров в соответствие с технологическим уровнем и социальными стандартами постиндустриального общества. Факторами неоиндустриализации являются: научно-технический прогресс; вертикальная интеграция производителей и переработчиков сырья, организаций НИОКР; инновации и инвестиции; рыночная конкуренция; финансовое оздоровление фирм; обеспеченность природными ресурсами. Использование этих факторов требует от государства увеличения финансирования фундаментальных исследований; повышения эффективности налоговых инновационных льгот;

стимулирования связей инноваторов, сырьевых и обрабатывающих предприятий, инвесторов и банков; развития государственно-частных партнерств в инновационных кластерах.

В-четвертых, **социальным условием** неоиндустриализации должно стать формирование целевых устойчивых социальных групп развитого индустриального и постиндустриального общества, а **результатом** – благополучие всех россиян через ускорение экономического роста за счет роста добавленной стоимости и увеличения доли труда в издержках по мере повышения степени обработки сырья.

Целевую неоиндустриальную социальную группу мы представляем как инновационный класс, который, наряду с механизмами инвестирования инноваций, должен стать фундаментом неоиндустриализации российской экономики. Инновационный класс – основная производящая прослойка развитого индустриального и постиндустриального общества, определен А. Тоффлером как занятые в информационном бизнесе [35], а В.Л. Иноземцевым – как высокообразованные менеджеры и служащие современных корпораций, ученые и специалисты из отраслей производства нематериальных благ [36]. В. Клемент и Дж. Майлс отмечают, что «... фактически единственным эффективным методом повышения благосостояния работников становится приобретение редких навыков, у которых нет легкодоступных субституттов» [37].

Механизмы формирования устойчивой социальной группы, необходимой для неоиндустриализации российской экономики, должны отражать ее факторы и включать в себя следующие.

Первым механизмом является государственный заказ на массовую подготовку российских специалистов в ведущих зарубежных вузах по направлениям критических и прорывных технологий с обязательным последующим трудоустройством в компаниях – резидентах инновационных кластеров и технопарков.

Второй механизм – разработка государственных гарантий трудоустройства высококвалифицированных работников и выпускников вузов по специальностям, соответствующим критическим технологиям.

Третий механизм – освобождение фонда оплаты труда работников инновационных

фирм, организаций НИОКР от всех налогов, а их заработной платы – от налога на доходы физических лиц.

Четвертый механизм – включение обязательного требования подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров в инвестиционных проектах, поддерживаемых Российской венчурной компанией и другими государственными фондами, инвестирующими в инновации. При этом необходимо на законодательном уровне установить нормативы инвестиций в человеческий капитал в проектах государственной поддержки инвестирования инноваций.

Передовая технологическая база повышения социального благополучия в российской экономике в процессе ее неоиндустриализации включает в себя современные сетевые технологии и основанные на них процессы генерации, обработки и перераспределения информации. Эти технологии сегодня поистине всеобъемлющие и практически доступны как государству и корпорациям, так и частным лицам. Как свидетельствуют Г. Кан, У. Браун и Л. Мартел, именно сетевые технологии способны обеспечить быстрый подъем социального благополучия, поскольку рост материальных производств, благодаря техническому прогрессу и снижающейся трудоемкости, не может дать желанные темпы прироста личных доходов [38].

Современные сетевые технологии достаточно многообразны; наиболее диффузные из них включают в себя:

- веб-дизайн – создание интернет-сайтов для компаний малого и среднего бизнеса, индивидуальных предпринимателей, частных лиц, общественных групп. По данным Дж. Райса, каждый шестой взрослый американец 18–50 лет хотя бы раз в жизни создавал веб-сайт или страницу, и каждый двенадцатый делал это по заданию работодателя, т.е. зарабатывал на этом [39]. Следовательно, можно говорить о мультимиллионных группах современных людей – потенциальных пользователей сетевых технологий веб-дизайна в коммерческих целях;

- распределенное программирование – создание части сложных компьютерных программ, которое «по силам» отдельным специалистам. Таким путем крупные компании рынка информационных технологий осуществляют тестирование своей продукции, сбор информации и

устранение недостатков, что ускоряет коммерциализацию их инноваций;

- интернет-консультирование, набирающее силу в США и Великобритании. Оно представляет собой международное предоставление профессиональных услуг через интернет лицензированными юристами, врачами, психологами, финансистами, бизнес-консультантами, специалистами в области компьютерной безопасности и пр. По нашим оценкам, на данный момент потенциальный сегмент продавцов таких сетевых услуг в России составляет не менее 2 млн чел.;

- дистанционное приватное интернет-обучение иностранным языкам, дизайну причесок, одежды, зданий, интерьерера, консультации университетских педагогов международного уровня;

- интернет-маркетинг – сбор информации о широких сегментах потребительского рынка для крупных и средних торговых фирм, анкетирование и опросы граждан в реальной обстановке и через интернет.

Как видим, современные сетевые технологии вполне способны вовлечь в современные формы трудовой деятельности и малого предпринимательства миллионы россиян. Это дает возможность говорить о сетевом благополучии – его особой форме, достигаемой только с помощью новейших сетевых информационных технологий. Главная особенность сетевого социального благополучия – его **конвергентность**, т.е. сближение разных отраслей по мере проникновения в них общих технологий и становления единых экономических стимулов. В данном случае речь идет о таких отраслях, как программирование и обработка информации, образование, социально-бытовые, юридические, финансовые услуги, глобальный маркетинг и рекламистика, производство вычислительной техники. Поэтому можно утверждать, что стимулирование на национальном уровне диффузии сетевых технологий способно, с одной стороны, дать импульс развитию этих отраслей, с другой – создать основу для формирования новой отрасли мультифункциональных сетевых услуг конечного потребления.

Экономическая форма сетевого социального благополучия представляет собой вычислительные кластеры, в которых информационные технологии создаются и диффузно

распределяются по всему миру через интернет. В отличие от промышленных, у информационных кластеров к конкретной территории «привязано» только их «ядро» – штаб-квартиры вычислительных центров компаний, университеты и центры подготовки кадров, научные лаборатории. Остальные субъекты информационных кластеров диффузно распределены по всем миру и связаны с «ядром» посредством интернета и контрактов на участие в производстве информационных продуктов.

Характерным примером подъема социального благополучия в кластере сетевых технологий может служить технологический кластер Бангалор, расположенный в одной из самых бедных стран – Индии. В нем трудятся более 140 тыс. чел., и еще более 1 млн связано с ним контрактами на разработку [40]. Ежегодно в данный кластер возвращается более 2 тыс. специалистов, ранее покинувших Индию для работы в ИТ-компаниях США и Европы. Средняя зарплата в Индии составляет 190 долл. в месяц, в промышленности – более 400 долл. В то же время средние доходы занятых в ИТ-компаниях бангалорского кластера превышают 1200 долл., а скорректированные с учетом затрат на проживание – 1670 долл. в месяц.

Индийский опыт служит наглядным примером того, как формирование кластера сетевых технологий способствует повышению личных доходов в нем практически на порядок и обеспечивает значительный подъем социального благополучия. Подтверждением тому служит значительная репатриация специалистов в бангалорский кластер из-за рубежа.

Вместе с тем индийский опыт наглядно показывает успех смещения акцентов в государственном стимулировании инновационной деятельности от промышленного производства в сторону сетевых информационных технологий. По данным Министерства науки и технологий Индии, если промышленность этой страны продемонстрировала рост производства на 15% за 2010–2013 гг., то объем коммерциализации инновационных сетевых технологий в стране вырос на 390% за данный период и превысил 10 млрд долл. [41].

Расширение доли населения, связанного контрактами с кластерами сетевых информационных технологий, мы наблюдаем в Голландии, Франции, Германии. По данным Министерства

науки, образования и культуры Нидерландов, за 2000-е гг. число специалистов-фрилансеров, работающих на компании-резиденты инновационных кластеров (голландские Phillips, Atos S.A., ASML, французские Matra, Paris Labs, немецкие Siemens AG, OPAT и др.), увеличилось в 15 раз [42].

Таким образом, особенностью сетевых информационных технологий является то, что они напрямую участвуют в подъеме благополучия, не только в месте их создания – ИТ-кластере, но и в дальнейшем среди широкого круга населения. Это требует изменения подхода государства к стимулированию инвестирования в инновационных кластерах. Сегодня Российское государство с особой тщательностью следит за тем, чтобы налоговые льготы инновационным фирмам не вышли за пределы кластеров и доставались только их резидентам. Профискальный характер экономической политики сдерживает, прежде всего, развитие самых передовых информационных технологий и исключает их из числа драйверов социального благополучия.

Поэтому сегодня необходимо освобождение от налогов прибыли инвесторов в ИТ-кластеры, фонда оплаты труда работников

фирм – их резидентов, а также доходов связанных с ними фрилансеров в кратном размере – не менее 150% от их объема. Это создаст дополнительный стимул к возрастанию сетевого благополучия в России.

Таким образом, проблема социального благополучия россиян приобрела особую остроту в связи с деиндустриализацией экономики – отрицательными последствиями нерегулируемых рыночных преобразований и отсутствием продуманной структурной политики. В свою очередь, перспективы достижения европейского уровня социального благополучия в России возможны только при условии неоиндустриализации экономики – восстановления обрабатывающих производств на новой технологической основе. Ключевая роль в этом должна отводиться формированию устойчивой социальной группы – ученых, инноваторов, высококвалифицированных технических специалистов, а также развитию кластеров сетевых информационных технологий и их диффузии среди широкого круга населения. В конечном итоге усилия государства должны быть направлены на становление особой формы социального благополучия – сетевого, опирающегося на последние достижения научно-технического прогресса.

Библиографический список

1. Беляева, Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2009. – №3-1. – С. 33–42.
2. Вечканов, Г. Качество жизни населения как признак состояния общества / Г. Вечканов // Экономист. – 2011. – №7. – С. 45–55.
3. Зубец, А.Н. Качество жизни в России / А.Н. Зубец, И.В. Тарба // Финансы. – 2013. – №12. – С. 51–53.
4. Петренко, В.Ф. Представления россиян о качестве жизни при разных правительствах / В.Ф. Петренко, О.В. Митина // Вестник РАН. – 2012. – Т. 82. – №2. – С. 124–130.
5. Петрова, А.Т. Логические основы формирования индикаторов качества жизни / А.Т. Петрова, Л.А. Конушенко, Т.В. Рукосуева // Философские науки. – 2006. – №11. – С. 125–137.
6. Шастико, А.Е. Модели человека в экономической теории / А.Е. Шастико. – М. : Инфра-М, 2006. – 142 с.
7. Ланкастер, К. Перемены и новаторство в теории потребления / К. Ланкастер // Теория потребительского поведения и спроса. Вехи экономической мысли. – СПб. : Экон. шк., 1993. – Вып. 1. – С. 326–336.
8. Коверник, Н.В. Сравнительный анализ качества жизни на примере России и Америки: современный этап / Н.В. Коверник // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2012. – №1. – С. 155–158.
9. Добрынина, Е. Социологи выяснили, почему в России бедности стало меньше, а нуждающихся все больше / Е. Добрынина // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2013. – №6109 (133). – С. 12.
10. Клейнер, Г.Б. Эволюция экономических институтов в России / Г.Б. Клейнер. – М. : Наука, 2004. – С. 15.
11. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем в современном мире / И. Валлерстайн ; пер. с англ. – СПб. : Университетская книга, 2001. – С. 13.
12. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1997) / под ред. Е.Т. Гайдара. – М. : ИЭПП, 1998. – С. 122–126.

13. Средняя заработная плата в России и других странах мира в 2014 г. // Портал «Деловая жизнь». – URL : <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2014.html>.
14. Имущество домохозяйств США выросло на триллион долларов за квартал // Лента.ру : информационный портал. Раздел «Экономика». – URL : <http://lenta.ru/news/2013/09/26/networth>.
15. Гусев, А. Доступность жилья в России и за рубежом / А. Гусев // Капитал страны : федеральное интернет-издание. – URL : <http://kapital-rus.ru/articles/article/610>.
16. Ломакин, Д. Между Суринамом и Сербией / Д. Ломакин // Газета.ру : интернет-издание. – URL : http://www.gazeta.ru/auto/2014/03/28_a_5967693.shtml.
17. Общественное здоровье и здравоохранение / под ред. О.П. Щепина, В.А. Медик. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2011. – С. 45–48.
18. Безработица в России в апреле 2014 г. составила 5,3% экономически активного населения // Росбизнесконсалт. – URL : <http://quote.rbc.ru/news/fond/2014/05/22/34160465.html>.
19. Бобков, В. Реальные масштабы бедности в России значительно больше, чем принято считать / В. Бобков // Человек и труд. – 2007. – №5. – С. 6.
20. Медведев, Ю. Академический загон / Ю. Медведев // Российская газета. – 2009. – 17 марта. – С. 26.
21. Белуза, А. Не плодите и не размножайте чиновников / А. Белуза // Известия. – 2009. – 7 окт. – С. 9.
22. Радченко, В. Хорошо сидим / В. Радченко // Российская газета. – 2008. – 15 мая. – С. 18.
23. Средняя продолжительность жизни в России и странах мира в 2013 г. // Портал «Деловая жизнь». – URL : <http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzitelnost-zizni2013.html>.
24. Одинцова, Е.В. Оценка численности среднего класса среди работающих по найму на основе критериев положения на рынке труда и материальной обеспеченности / Е.В. Одинцова // Уровень жизни населения регионов России. – 2013. – №9 (187). – С. 82–85.
25. Валовой внутренний продукт и валовая добавленная стоимость по видам экономической деятельности в 2012 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат). – URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab10.xls.
26. Корнаи, Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма / Я. Корнаи. – М. : НП «Журнал "Вопросы экономики"», 2000. – С. 458.
27. Шмелев, Н. Кризис внутри кризиса / Н. Шмелев // Российский экономический журнал. – 1998. – №10. – С. 9–11.
28. Курнышева, И. Конкурентоспособность и проблемы структурной модернизации / И. Курнышева, С. Лыков, А. Идрисов // Экономист. – 2008. – №9. – С. 40–41.
29. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А.Г. Гранберга. – М. : Экономика, 2002. – С. 22–24.
30. Толкачев, С.А. Поиск модели неоиндустриализации России / С.А. Толкачев // Журнал «Экономист». – 2010. – №12. – С. 24–43.
31. Bell, D. The coming of post-industrial society. Venture in social forecasting / D. Bell. – N.Y. : Collman Pub., 1973. – 884 p.
32. Хайтун, С. Постиндустриальное общество: станет ли эта западная модель будущим всего мира? / С. Хайтун // Общество и экономика. – 2008. – №9. – С. 100–124.
33. Труд и занятость в России. – М. : Росстат, 2013. – URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766.
34. Рязанцев, С.В. Мировой рынок труда и международная миграция / С.В. Рязанцев. – М. : Экономика. 2010. – 303 с.
35. Toffler, A. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century / A. Toffler. – N.Y., 1990. P. 12.
36. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В.Л. Иноземцев. – М. : Логос, 2000. – С. 56.
37. Clement, W. Myles J. Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies / W. Clement. – Montreal, 1994. – P. 33.
38. Кан, Г. Следующие 200 лет. Сценарий для Америки и всего мира / Г. Кан, У. Браун, Л. Мартел // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1995. – №2. – С. 96–97.

39. Raice, G. Network Spreads in the USA / G. Raice // National Technical Magazine. – 2010. – №8. – P. 91.
40. Бондаренко, В.А. Развитие малого предпринимательства Индии в форме производственных кластеров / В.А. Бондаренко // Глобальный информационно-аналитический центр. – URL : <http://www.giac.ru/analytics/?id=24>.
41. Официальный сайт Министерства науки и технологий Индии. – URL : <http://www.dst.gov.in/>.
42. Официальный сайт Министерства науки, образования и культуры Нидерландов. – URL : <http://www.rijksoverheid.nl/ministeries/ocw#ref-minocw>.

References

1. Belyaeva, L.A. Uroven i kachestvo jizni. Problemyi izmereniya i interpretatsii / L.A. Belyaeva // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2009. – №3-1. – S. 33–42.
2. Vechkanov, G. Kachestvo jizni naseleniya kak priznak sostoyaniya obschestva / G. Vechkanov // Ekonomist. – 2011. – №7. – S. 45–55.
3. Zubets, A.N. Kachestvo jizni v Rossii / A.N. Zubets, I.V. Tarba // Finansyi. – 2013. – №12. – S. 51–53.
4. Petrenko, V.F. Predstavleniya rossiyan o kachestve jizni pri raznyih pravitelstvakh / V.F. Petrenko, O.V. Mitina // Vestnik RAN. – 2012. – Т. 82. – №2. – S. 124–130.
5. Petrova, A.T. Logicheskie osnovyi formirovaniya indikatorov kachestva jizni / A.T. Petrova, L.A. Konushenko, T.V. Rukosueva // Filosofskie nauki. – 2006. – №11. – С. 125–137.
6. SHastiko, A.E. Modeli cheloveka v ekonomicheskoy teorii / A.E. SHastiko. – М. : Infra-M, 2006. – 142 s.
7. Lankaster, K. Peremenyi i novatorstvo v teorii potrebleniya / K. Lankaster // Teoriya potrebitelskogo povedeniya i sprosa. Vehi ekonomicheskoy myisli. – SPb. : Ekon. shk., 1993. – Vyip. 1. – S. 326–336.
8. Kovernik, N.V. Sravnitelnyiy analiz kachestva jizni na primere Rossii i Ameriki: sovremennyiy etap / N.V. Kovernik // «CHernye dyiryi» v rossiyskom zakonodatelstve. – 2012. – №1. – S. 155–158.
9. Dobryinina, E. Sotsiologi vyiysnili, pochemu v Rossii bednosti stalo menshe, a nujdayuschihsvya vse bolshe / E. Dobryinina // Rossiyskaya gazeta. Federalnyiy vyipusk. – 2013. – №6109 (133). – S. 12.
10. Kleyner, G.B. Evolyutsiya ekonomicheskikh institutov v Rossii / G.B. Kleyner. – М. : Nauka, 2004. – S. 15.
11. Vallerstayn, I. Analiz mirovyyih sistem v sovremennom mire / I. Vallerstayn ; per. s angl. – SPb. : Universitetskaya kniga, 2001. – S. 13.
12. Ekonomika perehodnogo perioda. Ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii (1991–1997) / pod red. E.T. Gaydara. – М. : IEPP, 1998. – S. 122–126.
13. Srednyaya zarabotnaya plata v Rossii i drugih stranah mira v 2014 g. // Portal «Delovaya jizn». – URL : <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2014.html>.
14. Imuschestvo domohozyaystv SSHA vyiroslo na trillion dollarov za kvartal // Lenta.ru : informatsionnyiy portal. Razdel «Ekonomika». – URL : <http://lenta.ru/news/2013/09/26/networth>.
15. Gusev, A. Dostupnost jilya v Rossii i za rubejom / A. Gusev // Kapital strany : federalnoe internet-izdanie. – URL : <http://kapital-rus.ru/articles/article/610>.
16. Lomakin, D. Mejdu Surinamom i Serbiey / D. Lomakin // Gazeta.ru : internet-izdanie. – URL : http://www.gazeta.ru/auto/2014/03/28_a_5967693.shtml.
17. Obschestvennoe zdorove i zdavoohranenie / pod red. O.P. Schepina, V.A. Medik. – М. : GEOTAR-Media, 2011. – S. 45–48.
18. Bezrobotitsa v Rossii v aprele 2014 g. sostavila 5,3% ekonomicheski aktivnogo naseleniya // Rosbizneskonsalt. – URL : <http://quote.rbc.ru/news/fond/2014/05/22/34160465.html>.
19. Bobkov, V. Realnyie masshtabyi bednosti v Rossii znachitelno bolshe, chem prinyato schitat / V. Bobkov // CHelovek i trud. – 2007. – №5. – S. 6.
20. Medvedev, YU. Akademicheskii zagon / YU. Medvedev // Rossiyskaya gazeta. – 2009. – 17 marta. – S. 26.
21. Beluza, A. Ne plodite i ne razmnoжайte chinovnikov / A. Beluza // Izvestiya. – 2009. – 7 okt. – S. 9.
22. Radchenko, V. Horosho sidim / V. Radchenko // Rossiyskaya gazeta. – 2008. – 15 maya. – S. 18.
23. Srednyaya prodolzhitelnost jizni v Rossii i stranah mira v 2013 g. // Portal «Delovaya jizn». – URL : <http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzhitelnost-zizni2013.html>.
24. Odintsova, E.V. Otsenka chislennosti srednego klassa sredi rabotayuschih po naymu na osnove kriteriev polozeniya na rynke truda i materialnoy obespechennosti / E.V. Odintsova // Uroven jizni naseleniya regionov Rossii. – 2013. – №9 (187). – S. 82–85.

25. Valovoy vnutrenniy produkt i valovaya dobavlenaya stoimost po vidam ekonomicheskoy deyatel'nosti v 2012 g. // Ofitsialnyiy sayt Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki RF (Rosstat). – URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab10.xls.
26. Kornai, YA. Sotsialisticheskaya sistema. Politicheskaya ekonomiya kommunizma / YA. Kornai. – M. : NP «Jurnal "Voprosy ekonomiki"», 2000. – S. 458.
27. SHmelev, N. Krizis vnutri krizisa / N. SHmelev // Rossiyskiy ekonomicheskij jurnal. – 1998. – №10. – S. 9–11.
28. Kurnyisheva, I. Konkurentosposobnost i problemy strukturnoy modernizatsii / I. Kurnyisheva, S. Lyikov, A. Idrisov // Ekonomist. – 2008. – №9. – S. 40–41.
29. Strategiya i problemy ustoychivogo razvitiya Rossii v XXI veke / pod red. A.G. Granberga. – M. : Ekonomika, 2002. – S. 22–24.
30. Tolkachev, S.A. Poisk modeli neoindustrializatsii Rossii / S.A. Tolkachev // Jurnal «Ekonomist». – 2010. – №12. – S. 24–43.
31. Bell, D. The coming of post-industrial society. Venture in social forecasting / D. Bell. – N.Y. : Collman Pub., 1973. – 884 r.
32. Haytun, S. Postindustrialnoe obschestvo: stanet li eta zapadnaya model buduschim vsego mira? / S. Haytun // Obschestvo i ekonomika. – 2008. – №9. – S. 100–124.
33. Trud i zanyatost v Rossii. – M. : Rosstat, 2013. – URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766.
34. Ryazantsev, S.V. Mirovoy ryinok truda i mejdunarodnaya migratsiya / S.V. Ryazantsev. – M. : Ekonomika. 2010. – 303 s.
35. Toffler, A. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century / A. Toffler. – N.Y., 1990. R. 12.
36. Inozemtsev, V.L. Sovremennoe postindustrialnoe obschestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy / V.L. Inozemtsev. – M. : Logos, 2000. – S. 56.
37. Clement, W. Myles J. Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies / W. Clement. – Montreal, 1994. – R. 33.
38. Kan, G. Sleduyushchie 200 let. Stsenariy dlya Ameriki i vsego mira / G. Kan, U. Braun, L. Martel // SSHA – Kanada: ekonomika, politika, kultura. – 1995. – №2. – S. 96–97.
39. Raice, G. Network Spreads in the USA / G. Raice // National Technical Magazine. – 2010. – №8. – R. 91.
40. Bondarenko, V.A. Razvitie malogo predprinimatel'stva Indii v forme proizvodstvennykh klasterov / V.A. Bondarenko // Globalnyiy informatsionno-analiticheskij tsentr. – URL : <http://www.giac.ru/analytics/?id=24>.
41. Ofitsialnyiy sayt Ministerstva nauki i tehnologii Indii. – URL : <http://www.dst.gov.in/>.
42. Ofitsialnyiy sayt Ministerstva nauki, obrazovaniya i kulturyi Niderlandov. – URL : <http://www.rijksoverheid.nl/ministeries/ocw#ref-minocw>.